

11. Rybka N. M. (2014) Tvorchа diyal'nist' v hlobal'nomu informatsiynomu prostori [Creative activity in the global information space], *Materialy KhV Mizhnarodnoyi naukovо-pryktychnoyi konferentsiyi "Lyudyna, kul"tura, tekhnika v novomu tysyacholitti"*, 22–23 kvitnya 2014 roku, Kharkiv, Vydavnytstvo Natsional'noho aerokosmichnoho universytetu, pp. 18–19.
12. Savchenko A. L. (2009) Real'ni linhvistychni innovatsiyi u virtual'nomu sviti [The real linguistic innovations in the virtual world], *Visnyk Dnipropetrovs'koho universytetu. Seriya: Movoznavstvo*. t. 17, vyp. 15 (1), pp. 265–270.
13. Kharchenko L. V. (2004) Sotsial'no-hnoseolohichna pryroda suchasnoyi mifotvorchosti [Socio-epistemological nature of modern myth]: Dys. k. filos. n.. L'viv, 162 p.
14. Shayhorods'ky Yu. Zh. (2009) Polityka: vzayemodiya real'nosti i mifu [Politics: the interaction of reality and myth], *Kyiv, Znannya Ukrainy*, 400 p.
15. Yanyts'ka O. M. (2014) Movlennyevi zasoby vyrazhennya linhvoprahmatychnykh aspektiv zaholovkiv statey frantsuz'koho mediynoho dyskursu (na prykladi drukovanykh vydan') [Speech means of expressing linguistic-pragmatic aspects of edits French media discourse (for example, publications)], *Naukovi zapysky Natsional'noho universytetu "Ostroz"ka akademiy"*, seriya *Filolohichna*, Vyp. 48, pp. 132–134.

УДК 101:811.111

Ирина Янушевич

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО РЕФЛЕКСИИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Различия в философских дискурсивных стратегиях отражаются на особенностях философских текстов, анализ которых нуждается в разнообразных подходах, в том числе в лингвистическом подходе. Однако лингвистическая философия сталкивается с проблемой «несовершенства» естественного языка как адекватного средства философской рефлексии. В статье было показано, что английский язык для этих целей располагает наиболее оптимальными ресурсами.

Ключевые слова: философский дискурс, язык философии, средства философской рефлексии.

Философское знание многолико и многомерно. Оно реализуется в тексты, порой несопоставимые друг с другом, но всякий раз подлинно философский текст отрицает сам себя. Его задача – запустить, усилить механизм сомнения, философской рефлексии. Трудности понимания философских текстов нередко связаны с тем, что в них перекрещиваются, накладываются и отрицают друг друга различные виды дискурсивных стратегий. Развиваясь в известном смысле автономно, каждый дискурс отдельной философии одновременно является составляющей частью интеллектуального пространства англоязычной философии. Из этого можно предположить существование общих дискурсивных параметров ряда англоязычных философских текстов, а также по-новому взглянуть на проблему современного философского языка.

По поводу необходимости создания особого философского языка, свободного от повседневности, в аналитической философии была развернута целая дискуссия. При этом одни её представители предлагали заменять менее ясные языковые выражения более чёткими и понятными (Дж. Мур), другие – вообще «перевести» на искусственный язык выражения естественного языка с целью прояснения логической структуры последнего и лежащих в его основе онтологических допущений (З. Карнап, Н. Гудмен, В. Куайн), третьи следовали традиции прагмалингвистического анализа позднего Л. Витгенштейна, т.е. выявляли способы употребления языковых выражений, вскрывали источники «сбоев» в работе языка – основной причины философских дилемм (Г. Райл, П. Стросон). Однако признавая «несовершенство» естественного языка как инструмента философской рефлексии, логическая философия так и не смогла создать исключительно логизированный метаязык философии.

Есть основания предполагать, что именно английский язык философии является определённым исключением среди других естественных языков. Язык

английской философии в меньшей мере, чем другие национальные языки наделён «несовершенствами», о которых говорит логическая философия, и предоставляет уникальные ресурсы для максимально точной передачи философской рефлексии. Например, Л. Витгенштейн считал, что погружённая в национальный (английский) язык, философия существует в своей природной среде, что сподвигло и самого гениального философа в поздний период его творчества перейти на написание своих работ на английском языке. Стилистически нейтральным английским языком пользуются и современные философы других европейских стран, при этом присущие английскому специфические формы преподносятся ими как особенности философского стиля. И, наверное, не беспричинно большинство идей технологии философствования имеются в книгах на английском языке, который в двадцатом столетии стал универсальным языком интеллектуального дискурса.

Поливариативность философских дискурсов приводит к тому, что по сути четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия. Наиболее отчетливо выделяются три основных класса употребления термина «дискурс», соотносящихся с различными национальными традициями и вкладами конкретных авторов.

Поскольку традиционно философский дискурс характеризуется логической универсальностью, то и одно из основных понятий этого термина связывается с особым идеальным видом коммуникации, который осуществляется в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации. Его можно назвать «дискурсом рациональности», само же слово «дискурс» здесь явно отсылает к основополагающему тексту научного рационализма – «Рассуждению о методе» Р. Декарта (в оригинале – «Discours de la methode», что при желании можно перевести и как «дискурс метода»). Познавательные способности философии в этом случае сосредоточены на проблемах логической последовательности рассуждений исследователя.

Вместе с тем, апеллируя к тому факту, что повествовательная форма изложения составляет фундаментальную основу философских попыток описать природу, социум и человека, на равноправных началах с рационалистической трактовкой философского дискурса выступает нарративная форма объяснения природы философского дискурса как самой естественной формы его существования. Нарратив находится в ряду

понятий, актуализированных «лингвистическим поворотом» в истории философии, и в настоящее время претендует на междисциплинарный статус в гуманитарных науках.

Нарративная форма, в отличие от строгих форм знания, допускает внутри себя множественность «языковых игр». Поэтому представители структурализма и постструктурализма, откуда и берут начало нарративные трактовки философского дискурса, считали, что язык, предшествуя бытию, конструирует его. Тем не менее, в соответствии с этим учением язык существует не для выражения философских идей, он не есть основа познания бытия и никак не связан с внешним миром. Язык не подчинен законам логики и противоречив по своей природе: в нем заложены нестабильность значений, двусмысленность, постоянные семантические изменения, большой объем этимологии, идиоматики и т.д.

Безусловно, проблема соотношения и дифференциации этих двух диаметрально противоположных трактовок понятия философского дискурса значима не только для определённой эпохи развития философского знания. Философия как строгая логически непротиворечивая система знаний с четкими дефинициями с одной стороны, и философия как размышление, дискриптивная форма философского дискурса – с другой, сосуществовали всегда в контактах и конфликтах. Ведь, если бы не было поэтического стиля диалогов Платона, то, как знать, состоялась бы или нет сама «философская рациональность»? «Процесс философского творчества всегда содержит несколько уровней рефлексии, каждому из которых соответствует свой способ формирования философских категорий. Однако эти уровни (или этапы) рождения и формирования философских концептов вполне могут быть отнесены к философскому процессу любой эпохи, а также к индивидуальному философскому творчеству» [2; с.200].

Кроме того, краткость, образности символичность – не лучшие средства для целостного, многоаспектного, семантически прозрачного (точного, ясного, определенного) и логически последовательного развертывания содержания философских концептов. И это означает, что нарративный стиль дискурса не уместен лишь на той стадии философского процесса, который представляется как этап рационализации. Для последнего более адекватным есть и будет научно-прозаический стиль дискурса, и критические замечания в адрес нарратива в этом случае оказываются справедливыми.

Другое дело, что в настоящий период воздействие этих разных типов философского дискурса друг на друга стало заходить «слишком далеко» и на повестке дня появилась проблема размывания границ между ними. Но само появление этой проблемы не следует воспринимать как симптом надвигающегося дискурсивного синтеза. Оно объясняется иначе в логике

своего времен и, прежде всего тем, что на протяжении двух последних столетий философия стала распознавать как своего союзника (или конкурента) в сфере производства знания художественную литературу, обнаруживая в ней всё новые познавательные ресурсы. Кроме того, неприложным является и тот факт, что логическая корректность рассуждений дискурса в любую эпоху не гарантирует безусловного принятия адресатом их заключений, даже если посылки не подвергаются сомнению, поскольку убеждающий потенциал таких рассуждений находится в прямой зависимости от уровня логической культуры адресата.

Своеобразным водоразделом между этими противоположными стилями философского дискурса, может служить собственно лингвистический подход к пониманию и уточнению сути философских рассуждений, в котором просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога. Переход от понятия речи к понятию дискурса в своё время был связан со стремлением ввести в классическое противопоставление языка и речи, принадлежащее Ф. де Соссюру, некоторый третий член – нечто парадоксальным образом и «более речевое», нежели сама речь, более формальное и тем самым «более языковое» [4; с. 40-45].

Такое понимание термина «дискурс» представлено главным образом в англоязычной научной традиции, где дискурс связывают с такой активностью в языке, которая соответствует специфической языковой сфере и обладает специфической лексикой. Кроме того, продуцирование дискурса осуществляется по определенным правилам (синтаксиса) и с определенной семантикой. Дискурс тем самым создается в определенном смысловом поле и передаёт определенные смыслы, он нацелен на коммуникативные действия со своей грамматикой. Решающим критерием дискурса оказывается особая языковая среда, в которой создаются языковые конструкции. Поэтому сам термин «дискурс» требует соответствующего определения – «политический дискурс», «научный дискурс», «философский дискурс». В соответствии с этим пониманием дискурс — это «язык в языке», то есть определенная лексика, семантика, прагматика и синтаксис, являющий себя в актуальных коммуникативных актах, речи и текстах.

Влияние этих факторов сказывается на проявлении национальной специфичности философского дискурса в европейских языках. И хотя, к примеру, Ж. Деррида отрицает наличие отдельных национальных «философских пейзажей», которые позволили бы установить простое соответствие между национальной философской традицией и языком в повседневном смысле этого слова, обозначенные позиции находят свое

подтверждение (равно как и отрицание) в языковых фактах разноязычных философских дискурсах [1; с.8-9]. Безусловно, что признание специфичности каждого национального метаязыка означало бы распад мирового интеллектуального дискурса философии по национальным языковым признакам, и как следствие значительные проблемы в области перевода философских текстов и в целом в межкультурной коммуникации.

В целом для лингвистического исследования дискурса философии представляет широкое поле исследований: неопределённость терминов, отсутствие однообразной организации текста, смешения строгих и плавучих композиционных форм, размытость терминологических дефиниций, имплицативность подтекста, насыщенная идиалектность, полижанровость, – всё эти характеристики философского текста приближают философский дискурс к художественному дискурсу. Из этого следует, что в какой-то степени лингвистический анализ здесь всё же уместен. А лингвистический ресурс английского языка достаточно гибок, чтобы отвечать запросам философского рассуждения. Рассмотрим, как это реализуется практически.

Как правило моделирование времени в языке непосредственно связано со множественностью моделей времени, присутствующих в обыденном сознании людей и отраженных в языке времени. Традиционно в философии время выступает в качестве объективной и всеобщей формы существования движущейся материи, внутренне присущей ей. Вместе с тем, сущность времени можно раскрыть лишь в отношении его к человеку, и поэтому в философском понимании время – это ещё и форма «интуиции», соответствующая человеческому внутреннему чувству. Объективность времени, содержащаяся в социальных действиях, неотделима от его восприятия и концептуализации. Английская культура относится к «монохронному» типу (подразумевает чёткое планирование времени, в отличии, например, от восточной – «полихронной», акцентирующей внимание на общении с людьми, налаживании связей, семью). Наверное, поэтому весьма непростой, а главное – необычной для жителей континентальной Европы и других частей света, является глагольная система английского языка.

Для философского рассуждения важно, что основной смысловой и грамматической категорией в английском языке является глагол и глагольная семантика, отражающая реальное (коллективно-индивидуальное) представление о ценности обозначаемого лексемой (ведь лексема включает разные смысловые варианты слова, зависящие от контекста, в котором это слово употребляется), следовательно, инструментарий английского языка таков, что делает возможным выразить разные значения важнейших для философии категорий. Например, тяготение английской грамматики к

использованию форм продолженного действия (Continuous time), а также к субстантивации глагольных форм и номинализации высказываний, адекватно вербализует одни из важнейших онтологических категорий философии – категорию «бытия», «небытия», «становления», а также упомянутую ранее категорию «времени».

Достаточно вспомнить, что основу греческого мышления, откуда берёт начало проблематика центрального философского понятия «бытие» (и производных от него – сущее, существующее, сущность, существование, субстанция), формирует детерминированная свойствами греческой грамматики оппозиция понятий «бытие – становление», где «бытие» связано с пониманием неизменности и истинностью вещи, а становление – с изменением во времени. «Для греческого мышления и мышления тех культур, которые наследуют его, время связано с изменением и, следовательно, с неистинностью, с нефиксированностью. Ведь истина фиксирована и неизменна, а потому вынесена за пределы времени. Погруженное в поток времени изменяется, и никакую вещь нельзя схватить в её истинности, не поднявшись над этим потоком» [5, с. 49].

Обращает на себя внимание, что в восточных, а также в русском и украинском языках многие производные от глаголов слова, которые для всякого философского рассуждения являются базовыми категориями (например, понимание розуміння, уяснение/ усвідомлювання, мышление/ мислення) не имеют семантики времени, т.е. описанные так называемыми девербативами процессы в этих языках вынесены за пределы времени. По причине того, что семантическое поле всякого глагола репрезентирует принцип концептуализации внешнего мира, очевидно, что отразить присутствие в языковом и философском сознании греческих философов временной семантики наиболее адекватным способом при переводе древнегреческих текстов возможно на английском языке.

По этой же причине при переводе английских текстов на русский или украинский языки могут возникать проблемы понимания. К примеру, употребляемый Дж. Локком термин «understanding» в названии его работы «Опыт о человеческом разумении» на русский язык переведено словом «разумение», а как подобрать русским словам «думать», «мнить», «мудрствовать» английские эквиваленты? Принципиальные отличия в способах постижения реальности констатируют тот факт, что смыслополагание, заложенное в английском языке как языке аналитического типа объективно более точно позволяет выстраивать локковскую теорию происхождения идей из чувственного опыта [3].

Именно Локк своей работой «Advancement of learning» прервал традицию написания философских текстов на латыни, представив всё

богатство имманентно присущих английскому языку особенностей, которые могут успешно служить целям вербализации философских концептов. Он также ввёл большое количество терминов, ставших базовыми категориями методологии и теории познания, таких как: general theory of science, empiricism, structured modes of action, things as they appear, the doctrine of twofold truth, doctrine of the two worlds, mind idols, crooked mirror, proofs and demonstrations и др.

Для сравнения нужно отметить, что перевод, например, текстов немецкой классической философии, которая в значительной степени сориентированна на текст и личность и предполагает использование системы искусственных понятий, не допускающих упрощения, многими переводчиками на английский язык ассоциируются как принципиально невозможный. Например: немецкое слово Wissenschaft вполне можно перевести как science, но в текстах по эпистемологии такого перевода недостаточно; или Geisteswissenschaften – «науки о духе», «гуманитарные науки» – термин, который возник при переводе на немецкий миллевского термина «moral sciences», однако тот смысл, который он приобрёл у В. Дильтея и в немецкой философии XX века, делает его непереводаемым, в том числе и на английский язык.

Словообразовательная и грамматическая природа языка немецкой классической философии такова, что она не создает «фонового знания» в некоторых романских языках, а, следовательно, и культурно-коннотативной тождественности между немецкой и английской философскими традициями классического периода. Поэтому англоязычный перевод немецкого философского текста неосуществим без пространных сносок и переводческих комментариев, которыми изобилуют, например, английские комментарии к Г. В. Ф. Гегелю, или комментарии на итальянском и французском языках к М. Хайдеггеру. Многие немецкие философы (такие как Г. Гегель, В. Дильтей, И. Фихте, М. Хайдеггер, Ф. Шеллинг), а также испытавший влияние немецкой традиции Ж. Деррида, считаются труднодоступными для перевода на другие языки. Однако уже такие немецкие философы как, к примеру, Л. Вингенштейн, Р. Карнап, Э. Мах, Ф. Фреге, чьи языковые предпочтения демонстрируют постмодернистскую тенденцию к упрощению языка философии, довольно успешно переводятся на другие европейские языки.

Ничего подобного не возникает, когда имеют дело с переводом работ английских мыслителей. Англосаксонский философский профессиональный язык, испытавший влияние расселовско-фрегевской формальной логики создаёт уникальный ресурс для выражения философской рефлексии. В том числе такие грамматические формы как

герундий, причастия настоящего времени и формы продолженного действия английского языка являются прекрасными средствами для выражения динамичности и процессуальности философского стиля, позволяют в нужных случаях минимизировать субъект-объектную дихотомию, а также выразить рефлексивность над самими событиями, а не над фактами.

«It is easy to understand how such a view originated, but it is not so clear why it should be considered to be a particularly pious or reverent attitude. Why should Nature seem more wonderful to us if she cannot be known completely? Surely she does not wish to conceal anything on purpose, for she has no secrets, nothing to be ashamed of. On the contrary, the more we know of the world the more we shall marvel at it; and if we should know its ultimate principles and its most general laws, our feeling of wonder and reverence would pass all bounds. Nothing is gained by picturing God as jealously hiding from his creatures the innermost structure of his creation, indeed, a worthier conception of a Supreme Being should imply that no ultimate boundary should be set to the knowledge of beings to which an infinite desire of knowledge has been given. The existence of an absolute ignorabimus would form an exceedingly vexing problem to a philosophical mind. It would be a great step forward in philosophy, if the burden of this bewildering problem could be thrown off» [6, p.14].

В свою очередь, категория пассива, щедрость словарных заимствований, свобода суффиксальных способов образования абстрактных существительных создают прекрасные возможности для передачи тонкостей дискурсивных стратегий, о которых говорилось выше.

«The laws of the phenomena of society are, and can be, nothing but the laws of the actions and passions of human beings united together in the social state. Men, however, in a state of society, are still men; their actions and passions are obedient to the laws of individual human nature. Men are not, when brought together, converted into another kind of substance with different properties» [7; p. 19].

В силу указанных характеристик английский язык превратился в приоритетный язык общения философов, а знание, к примеру, немецкого постепенно перестаёт быть обязательным для профессионального философа.

Список использованной литературы

1. Деррида Ж. Есть ли у философии свой язык? // Электронный альманах о человеке.– Antropolog.ru, 2011 / [Электронный ресурс] <http://www.antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>.
2. Коротков Е. А. Специфика философского дискурса: логико-эпистемические заметки // Гуманитарные науки.– Воронеж: ВГУ, 2001.– № 1.– С. 193–204.

3. Малиновська І. В. Універсалізація термінології ХХІ століття: особливості вербалізації концептів у просторі англomовного дискурсу про складність // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи.– К.: Логос, 2007.– №2. – С. 189–199.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с французского.– М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
5. Смирнов А. В. Можно ли строго говорить о непереодимости? // Теория и методология гуманитарного знания. Гуманитарное знание и образование: Сб. материалов.– М.: РГГУ, 2010.– С. 37–54.
6. Russell B. The Autobiography of Bertrand Russell: [In 3 Vol.]– Vol. 1.– London: George Allen and Unwin, 1967.– 154 p.
7. Schlick Moritz Unanswerable Questions // The Philosopher, Vol. XIII, 1935.– <http://www.the-philosopher.co.uk/moritz.htm>

Ірина Янушевич

АНГЛІЙСЬКА МОВА ЯК ВИРАЗНИЙ ЗАСІБ РЕФЛЕКСІЇ В ФІЛОСОФСЬКОМУ ДИСКУРСІ

Відмінності у філософських дискурсивних стратегіях відбиваються на особливостях філософських текстів, для аналізу яких використовуються всілякі підходи, у тому числі лінгвістичний підхід. Проте лінгвістична філософія стикається з проблемою «недосконалості» природної мови як адекватного засобу філософської рефлексії. У статті було показано, що англійська мова для цих цілей має в своєму розпорядженні найбільш оптимальні ресурси.

Ключові слова: *філософський дискурс, мова філософії, засоби філософської рефлексії.*

Iryna Ianushevych

ENGLISH AS AN EXPRESSIVE MEANS OF REFLECTION IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Distinctions in philosophical discursive strategies are reflected on the characteristics of philosophical texts, which analysis requires various approaches, including linguistic approach. However, linguistic philosophy runs into the problem of «imperfection» of human language as an adequate mean of philosophical reflection. In this paper it was shown that English language for these purposes has the most optimum resources. For a linguistic research in general the discourse of philosophy represents the wide field of activity: uncertainty of terms, absence of the monotonous organization of the text, mixture of strict and deliquescent composite forms, blurring of terminological definitions, an implication of subtext, variety of genres, – each of these characteristics of the philosophical text makes closer both philosophical dis-

course and an art discourse. And as a result, the linguistic analysis of a philosophical discourse to some extent is possible. Linguistic resource of English is rather flexible to meet the requirements of a philosophical reasoning.

Language of the English philosophy is more or less, than the other national languages, allocated with «imperfections» about which the logical philosophy told. It provides unique resources for the most exact transfer of a philosophical reflection. Modern philosophers of the other European countries often use stylistically neutral English and present inherently specific forms of English language as the features of philosophical style. The majority of the ideas of technology of philosophizing are available in books, which were written in English. Precisely English in the twentieth century became universal language of an intellectual discourse.

Keywords: philosophical discourse, language of philosophy, means of philosophical reflection.

References

1. Derrida J. Yest li u filosofii svoj yazik? [Has philosophy own language?]. Antropolog.ru, 2011, <http://www.antropolog.ru/doc/library/derrida/derrida>
2. Korotkov Ye. A. (2001) Spezifika filosofskogo diskursa: logiko-epistemicheskiye zametki [Specifics of a philosophical discourse]. Voronezh, VSU, 204 p.
3. Malinovskaya I. V. (2007) Universalizatsiya terminologii 20 stolit'ya: osoblivosti verbalizatsii konceptiv u prostori anglomovnoy diskursu pro skladnost'. [Universalization of terminology of the 20th century of feature of verbalization of concepts in space of an English-speaking discourse about complexity]. Kyev, Logos, pp. 189–199.
4. Sossyr F. de (2004) Kurs obchei lingvistiki [Course of the general linguistics]. Moscow, Editourial URSS, 256 p.
5. Smirnov A. V. (2010) Mozhno li strogo govorit o neperevodimosti? [Whether it is possible to speak about not convertibility strictly?]. Moscow, RSGU, pp. 37–54.
6. Russell B. (1967) The Autobiography of Bertrand Russell, Vol. 1, London, George Allen and Unwin, 154 p.
7. Schlick M. (1935) Unanswerable Questions, Vol. XIII, <http://www.the-philosopher.co.uk/moritz.htm>

УДК 159.964.26

Александр Романов
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА
Г. С. САЛЛИВАНА

В статье показана логика модернизации психоанализа в интерперсональном подходе Г. С. Салливана, а также недостаточность традиционной междисциплинарной трактовки его новаций. Обосновано трансдисциплинарное понимание методологического поворота Салливана.

Ключевые слова: интерперсональный психоанализ, Гарри Стек Салливан, трансдисциплинарность.

В исследованиях, посвященных теоретико-методологическим принципам интерперсонального психоанализа Гарри Стека Салливана, традиционно акцентируются междисциплинарные основания его подхода [2; 7; 8; 9, р. 39–48]. Хотя такая трактовка теоретических и методологических новаций Салливана апеллирует к хорошо известным фактам его научной биографии, в свете современных философско-методологических рефлексий эти «биографические» обобщения представляются недостаточными. Целью данной статьи является пересмотр представлений о междисциплинарном характере новаций Салливана и раскрытие их трансдисциплинарного статуса. Для достижения этой цели мы решим несколько связанных задач. Во-первых, рассмотрим специфику междисциплинарного истолкования «интерперсонального поворота». Во-вторых, реконструируем внутреннюю логику интерперсоналистской модернизации психоанализа, для чего отдельно остановимся на проблемных методологических и метафизических предпосылках классического психоанализа Зигмунда Фрейда, преодоление которых и было основной интенцией Салливана. В-третьих, мы приведем аргументы в пользу трансдисциплинарного прочтения методологических новаций Салливана.

Научная биография Салливана (1892–1949) известна хорошо. Придя в клиническую психиатрию в начале 1920-х годов и испытав влияние Уильяма Алансона Уайта, воплощавшего лучшие традиции «здорового эклектизма» американской психиатрии [9], Салливан достаточно быстро достиг выдающихся клинических успехов в работе с пациентами-шизофрениками, предполагавшимися до того «неизлечимыми». В основе этих результатов были 1) уход от «биологической» трактовки шизофрении как дегенеративного органического расстройства и 2) организационная модернизация терапевтического пространства. Специально отобранный медицинский персонал выражал пациентам максимальную человечность